

АНДРЕЙ САХАРОВ О ПРАВОЗАЩИТНОМ ДВИЖЕНИИ

(Ответы на вопросы В. Чалидзе)

1. 12-15 лет назад у многих еще была надежда на то, что власти будут способны оценить правомерность правозащитных выступлений и кое в чем пойти навстречу обществу в признании прав человека и права защищать эти права. Пожалуй 1972 год рассеял все надежды на это. Вы были одним из немногих, кто по своему положению еще в 1970 году имел выбор: присоединиться к гласным выступлениям или проявлять свою добрую волю в рамках, дозволенных предрассудками власть имущих — ведь Вы знали по опыту, что иногда можно чего-то добиться и такой "тихой дипломатией". Вы сделали этот выбор, и я знаю что Вы не жалеете об этом. Но мой вопрос: был ли реален этот путь "тихой дипломатии", развивались бы события иначе, если не только Вы, но и все активисты движения проявили бы максимальную умеренность в своих требованиях? Иными словами, пошли бы власти навстречу нам в малом, если бы мы не напугали их требованием признания фундаментальных прав в полном объеме?

1. Отвечая на Ваши вопросы, я прежде всего хотел бы подчеркнуть, что я никогда не считал себя лидером какого-либо движения и не претендо-

вал на это. Все мои действия и высказывания носили частный, индивидуальный характер, отражали мои убеждения (или сомнения), мои нравственные импульсы. Поэтому и ответы мои будут носить характер сугубо личной оценки.

По-моему, не столь у многих была надежда, что власти будут способны оценить правомерность правозащитных выступлений; у большинства обращение к властям было, как мне кажется, просто естественным отражением легальной позиции, лояльного отношения к государству, уверенности не только в нравственной, но и в юридической правоте, а также отражением надежды на какую-то хоть минимальную помощь в *конкретных* делах, помощь *конкретным* людям. Это совсем иное, чем надежда на общее изменение политики властей. Мне не кажется, что власти были напуганы слишком радикальными требованиями. Если говорить об основной массе диссидентов, то такого радикализма не было — неужели просьба разрешить возвращение крымских татар в Крым или отпустить кого-то из психушки угрожала основам государства? Просто власти не хотели *никаких* проявлений независимости, никакой информации и в пределах страны и уходящей на Запад. А мы не считали возможным жить по-старому.

2. *С первым вопросом связан следующий: что, по Вашему мнению, делать многим хорошим людям, которые, я верю, есть в России на всех уровнях, если они не хотят или не готовы гласно де-*

монстрировать свою добрую волю? Есть ли у них надежда на то, что своими малыми хорошими делами они улучшают свою страну, или, следуя некоторым моральным экстремистам, мы должны согласиться, что они лишь обманывают свою совесть?

2. Хорошим людям всегда есть что делать, и я никак не могу называть хорошие и необходимые дела обманом совести или чем-то второстепенным, малым, только потому, что за них не угрожает судимость. Те же, кто обманывают свою совесть, обычно прекрасно знают, что делают!

3. *Многое изменилось в характере движения за эти годы. Многие хранители старых традиций или в заключении, или за границей. Наши лучшие и достойнейшие друзья, такие, как Великанова, Ковалевы, Лавут и многие другие, оторваны от деятельности и частично от морального влияния на развитие движения. Судя по Хронике текущих событий, движение расширилось и географически, и на новые социальные уровни. Не усилились ли те опасности, которые существовали и раньше, но подавлялись авторитетом зачинателей движения?*

Я имею в виду вот какие опасности:

а) замена конструктивности ненавистью (если это произойдет, я буду грустить, но не удивлюсь – власти слишком много сделали для этого);

б) забвение принципа добровольности в делах добрых дел, принятие принципа, что кто-то

или все должны защищать права, критиковать власти, помогать кому-то и т.д., что означало бы рождение духа партийности в движении, духа, который изменит характер движения совершенно и поставит под вопрос его былую моральную ценность.

3. Отвечая на третий вопрос, я, в силу тех соображений, с которых начал, уклонюсь от всего, что относится к "движению" в целом. Лично я за конструктивность. Я также твердо за принцип добровольности. Он требует от людей часто непростых конкретных решений и гражданской смелости и ответственности, так было и раньше, я не вижу, чтобы в этом отношении что-либо изменилось. Теперь, как и раньше, мы все имеем право обращаться к другим людям за поддержкой, давать им информацию о нарушениях справедливости и рассчитывать на их участие; теперь, как и раньше, мы должны уважать чужие точки зрения и линию поведения; теперь, как и раньше, имеем право на несогласие с другими и осуждение того, что нам кажется неправильным.

Не следует, однако, смешивать вопрос о добровольности с вопросом об ответственности. Мне кажется, что люди, занимающие видное и прочное положение, объективно ответственны не только за свои действия, что тривиально, но и за бездействие. В своем последнем обращении к академикам и членам-корреспондентам с призывом выступить в защиту репрессированных коллег по науке я исходил именно из этого.

4. Каким Вы видите СССР? Есть ли надежда на демократизацию страны? Есть ли надежда, что диалог власти с обществом, который не состоялся в конце 60-х – начале 70-х годов, может осуществиться в ближайшем будущем?

4. Прогнозов не строю. Надежд на демократические изменения в ближайшем будущем не имею. Но крот истории роет незаметно, и мы знаем, что исторические изменения часто происходят неожиданно. Это тоже надо иметь ввиду.

5. Существует ли реальная угроза развития антидемократических националистических тенденций в движении, и среди власть имущих?

5. Вероятно, такая опасность существует. Их конкретный анализ, оценка "степени риска" мне недоступны. Лучше быть начеку, чем попасть впросак.

26 апреля 1982

Горький

Андрей Сахаров